

Стенограмма круглого стола «Общественная позиция и роль гуманитария в современном мире» (НОУВПО Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, 12.11.2010)

Круг вопросов для обсуждения:

- Современное гуманитарное знание: вызовы времени.
- Как изменилось место гуманитарного знания и гуманитария в современном мире?
- Гуманитарное знание и социальные практики:
 - Является ли этическая составляющая определяющей в гуманитарном знании?
 - Может ли гуманитарий претендовать на роль духовного лидера в современном обществе?
 - Может и должен ли гуманитарий влиять на социально-политическую ситуацию в современном обществе?
- «ГСМ» как синдром гуманитария: образ гуманитария в сетевой культуре.

Выступления участников:

Мясникова Людмила Анатольевна,
доктор философских наук, профессор,
проректор по научной работе Гуманитарного
университета

Приветствую участников круглого стола: из Гуманитарного университета это ректор — доктор философских наук, профессор Лев Абрамович Закс, проректор по учебной работе — кандидат социологических наук Ирина Константиновна Кощеева, декан юридического факультета — доктор юридических наук, профессор Алексей Павлович Семитко, заместитель декана юридического факультета — доктор политических наук, доцент Светлана Игоревна Глушкова, декан социологического факультета — доктор философских наук, профессор Гарольд Ефимович Зборовский, заместитель декана социологического факультета — доктор социологических наук, доцент Александр Сергеевич Ваторопин, заведующий кафедрой регионоведения — кандидат исторических наук, доцент Константин Иванович Зубков, заместитель декана факультета телерадиожурналистики — кандидат филологических наук Наталья Павловна Уфимцева, заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма — кандидат социологических наук Снежана Александровна Рамзина, кандидат культурологии Екатерина Аркадьевна Калужникова, помощник ректора по связям с общественностью — кандидат философских наук Екатерина Анатольевна Батюта, также преподаватели, аспиранты и студенты. Среди наших гос-

тей — представители Общества SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS (Латвия, г. Рига) Сергей Александрович Мазур и Алексей Николаевич Романов, ответственный редактор журнала «Вестник» УрО РАН — кандидат философских наук Валентин Петрович Лукьянин, заведующая кафедрой философии и культурологии УрГУПС — доктор философских наук, профессор Ольга Владимировна Коркунова и преподаватели УрГУПС, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН — доктор политических наук Ольга Фредовна Русакова, кандидат философских наук, доцент Леонид Сергеевич Чернов представляет кафедру философии и политологии УрАГС, руководитель отдела сопровождения образовательных программ автономной некоммерческой организации «Центр развития молодежи» — Ирина Ивановна Ширинкина и другие.

На обсуждение вынесены вопросы о месте, роли, специфике гуманитарного знания и гуманитария в современном обществе. На многие из вопросов следуют далеко неоднозначные ответы. Сегодня у нас есть возможность подумать, спорить, представить свои позиции по обсуждаемым проблемам. Желаю всем нам интересного плодотворного разговора. Первым предоставляю слово Льву Абрамовичу Заксу.

Закс Лев Абрамович,
доктор философских наук, профессор, ректор
Гуманитарного университета.

Когда ты думаешь о том, что происходит в мире, как мы можем и должны реагировать на происходящее, то естественно задаешься вопро-

сом, в каком состоянии находится тот субъект, идеальный (условно говоря), и аппарат этого субъекта, с помощью которого отыскиваются ответы на острые вопросы? И поскольку это все касается мира социального и мира человеческого, то на сцену выходят гуманитары. Если начать с какой-то макро оценки нас по отношению к вопросам, которые мы пытаемся осмыслить и системы, на которую мы пытаемся влиять, то, конечно, у меня отношение внутренне противоречивое и умеренно скептическое.

Объясню почему: с одной стороны, мы можем констатировать переход России и других частей Советского Союза в новое историческое состояние, переход, о котором нельзя говорить в прошедшем времени, он еще продолжается, но в каком-то смысле он уже состоялся, переход, который сопровождался известной либерализацией духовной жизни, научной культуры, в том числе гуманитарной. Несмотря на многие сложности экономического, организационно-институционального порядка и т.д., он, конечно, способствовал оживлению, активности гуманитаров, живущих на просторах бывшего Советского Союза. Очень этому способствовало мировоззренческое разнообразие, которое буйным цветом расцвело, хоть и не всегда достаточно убедительное, но все равно разнообразное. И это положительный, конечно, симптом, потому что мое наивное, где-то романтическое, убеждение, что гуманитарные науки, как и гуманитарные культуры в целом, много чего могут в нормальном здоровом обществе. Другой вопрос, как может существовать это «много», в наших условиях? Мы не всегда знаем ответ на этот вопрос.

Мы с вами, гуманитары, существуем, прямо скажем, «так себе». В этом смысле, что вызывает отрицательные эмоции, с одной стороны, это «так себе» заключается в том, что, как и все части большого института науки, мы пребываем в состоянии периферийного существования по части признания нашей роли, по части обеспечения, по части поддержки институциональной, государственной, и пр. Но гораздо больше меня, как человека, который уже двадцать лет работает в негосударственной системе, который давно уже не привык стоять перед государством в позе просителя с протянутой рукой, напрягает другое: получив свободу, возможность опираться на достижения мировой культуры (прошлой и современной), сказать, что мы реализовали этот ресурс в каких-то мощных продуктивных результатах, я не могу. С одной стороны, можно зафиксировать огромный дефицит непонимания роли гуманитарного знания со стороны власти, со стороны общественности, со стороны бизнеса, короче говоря, реальных субъектов сегодняшней

социальной жизни. Но сказать, что гуманитары дали много поводов думать иначе, я тоже не могу. Какие-то подходы у нас есть, ощущение того, что некоторые из нас говорят адекватные вещи и выражают какие-то драмы и тренды нашего времени, это, конечно, есть. Появились некоторые довольно интересные книги, появились интересные издания, и их много. Это, конечно, плюс нынешнего социокультурного интеллектуального состояния. Без инструментов самовыражения невозможно никакое творчество. Журналы дают нам сегодня много интересного материала. Но повторяю, что ощущения импульса, запроса от общественной системы в нашу сторону: «помогите, зашиваемся без вас, никак не можем обойтись». С другой стороны нет и чувства, что мы смогли что-то значимое предложить.

Я говорю про Россию, не знаю, какая там в Латвии ситуация, не берусь оценивать. Но если говорить о России, то мы видим то, что происходит в обществе, в общественном сознании, в коллективной и индивидуальной психологии, в различных сферах, больших, макросферах общества, таких как экономика, политика на уровне повседневной жизни и частного существования человека. Но сказать, что мы с вами дали сегодня осмысленный образ того, что происходит, нельзя. Я все же человек традиционный, при всем признании специфики гуманитарной науки, я убежден в том, что главной фундаментальной и неустранимой задачей гуманитарного, так же как и любого другого научного познания, является объяснение происходящего, то есть выявления того, что Барт когда-то по поводу своего творчества называл социальной причинностью. Мне кажется, что на сегодняшний день мир, в котором мы живем, и наши возможности его осмыслить находятся в остром драматическом противоречии. Я бы сказал так: мы пока признали, что мир сложен, но мы не владеем методологией соразмерной этой сложности. Мы признали, что этот мир носит вероятностный, непредсказуемый характер, но у нас нет адекватных категорий, принципов для ответов, даже для способов описать эту вероятностную картину социального и персонального, антропологического мира.

Мы признали сегодня, что в этом мире парадоксально сочетается управляемое и абсолютно неуправляемое, подконтрольное людям и антиподконтрольное, драматически усиливающее нашу зависимость. Это касается как больших масс людей, так и общностей, и конкретного индивида. Потому что апатия, стремление к социальным иллюзиям, метания между утопиями с одной стороны и полный цинизм — с другой, это повседневность массового и индивидуального сознания сегодняшнего человека. И мы часто

выступаем носителями этого сознания. Наша задача сегодня — объяснить себе и другим, что происходит, что с этим можно сделать, как управляться с этой невероятной сложностью. Мы живем в условиях множественной модерности, и при этом, множественной традиционности в равной мере: Россия — страна, обремененная кучей разных «нажитков», пережитков и т.д. И это касается любых аспектов нашего существования: как наших отношений с Западом, с Востоком, так и нашей бытовой культуры, повседневности.

Сегодня это методологическая аксиома: разговаривая о социокультурных макропроцессах, мы должны говорить из «низа», из человека, из его включенности в эту повседневность. Совершенно не можем выносить эту повседневность за скобки, как мы делали, большую часть нашего советского времени. Сегодня мы понимаем, что история — это история миллионов людей, каждый из которых решает свои личные проблемы, как сказал бы Станиславский, в «предлагаемых обстоятельствах».

Вызовы времени, некий ток этих вызовов мы ощущаем. Думая о том, в каком мире мы живем, я понимаю, что имея огромный методологический ресурс, десятки методологических подходов, по-своему ценных, интересных, продуктивных в каких-то отношениях, мне не хватает ума эти методологии соединить. Может быть, потому что я накушался советского, идеологизированного дискурса и идеализированного романтического дискурса.

На протяжении нескольких лет я нахожусь под обаянием реалистических, позитивистских подходов. Многое из того, чему я поклонялся, высокопарно, не несет в себе возможности разрешать, объяснять банальные противоречия повседневного существования, а позитивизм, ни на что не претендующий, умеет разложить по полочкам вот эту систему. Я отдаю предпочтение конкретно позитивистским, аналитическим объективистским подходам. На счет этической позиции, как определяющей: она для меня сегодня не самая актуальная, не потому, что я отрицаю ценностный характер гуманитаристики, а потому, что вижу, как представители всех ценностных мировоззренческих позиций убеждены — то, что они предлагают в качестве объяснений и рецептов — это несет идею добра, справедливости, общественного блага и т.д. Государственник уверен в этом, и либерал, и социал-шовинист, и абсолютный космополит. Поэтому, когда ты видишь, что все из этого исходят, тогда можно вынести этот пункт за скобки и заняться аналитическим сопоставлением фактов, слов, понятий, построений, обобщений и т.д.

Зубков Константин Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения Гуманитарного университета.

Я бы хотел высказать несколько комментариев к выступлению Льва Абрамовича. Я во многих отношениях, безусловно, с ним согласен. Хотя, когда речь идет о современном гуманитарном знании, я бы разделял знание как некую принадлежащую интеллектуальному сообществу сумму культурно-исторических накоплений и знание как социальный институт, который существует по определенным системным законам, который в том или ином виде интегрирован в жизнь общества и призван осуществлять в его рамках всеобъемлющую коммуникацию. С этой точки зрения, как мне кажется, мы можем сегодня наблюдать два совершенно противоположных тренда. С одной стороны, налицо продуктивное усложнение самого понятийного и исследовательского аппарата гуманитарной науки, расширение диапазона интеллектуальных поисков, но все это начинает замыкаться в рамки очень узких, избранных сообществ. С другой стороны, если говорить о восприимчивости самого общества к гуманитарному знанию, то оно — по мере нашего движения по пути той новизны, которую преподнесла нам постсоветская эпоха, — становится чем-то вроде интеллектуального излишества, потому что ни власть, ни население, на самом деле, эти великие завоевания гуманитарного знания не востребует. По крайней мере, востребует в гораздо меньшей степени, чем это было даже в советское время. Как ни парадоксально... С этой точки зрения буржуазное общество, конечно, обладает массой технологических преимуществ и резервов духовной эмансипации перед советским обществом, но и оно — все-таки, по преимуществу, общество достаточно пошлое и достаточно одномерное. Сегодня очень хорошо видно, что то, что принадлежит подлинной «высокой» культуре, начинает замечаться какими-то технизированными суррогатами, которые как раз в силу своей суррогатной природы способны создавать, Лев Абрамович, впечатление проницаемости и простоты окружающей нас реальности, этакой легкости бытия. Мне кажется, что когда Вы рефлексируете по поводу своей неспособности найти возможность диалога с этой современной действительностью, объяснить ее с помощью тех или иных изолированных концепций, дело вовсе не в Ваших качествах как мыслителя, но в самой действительности, которая очень тяжела и принципиально не когерентна Вашей внутренней культуре. Она вроде бы от нас на расстоянии протянутой руки, но, по существу, отгорожена непреодолимой стеной

непонимания от интеллектуального сообщества, которое варится в собственном соку, развивается, обогащается новым знанием, какими-то новыми приобретениями. Но должного отзвука в обществе, отдачи от этих интеллектуальных приобретений становится все меньше и меньше. Мне так кажется...

Закс Л. А.

Разве мы можем назвать в истории период, о котором можно сказать: вот была легкая действительность?

Зубков К. И.

Нет, легкой действительности, в самом деле, никогда не было. Я имею в виду, что современное бытие, по крайней мере, такое, каким его предлагают массовая культура и в значительной степени современная власть, культивирует определенные образцы поведения и восприятия действительности. И эти образцы достаточно примитивны, в данном случае можно говорить даже о некоторой инволюции, об определенном упадке культуры. Он налицо... В этом смысле, как бы ни было идеологизировано советское общество, мне кажется, в его рамках все-таки отмечалась вполне благородная интенция к заполнению этой пропасти между «высокой» и «низкой» культурой, стремление прививать в массах хотя бы элементарные навыки культуры, возвышать человека если не в материальном смысле, то, по крайней мере, в смысле гражданской добропорядочности и общей культурности. А сегодня мне все видится наоборот: идет какая-то эксплуатация самого низкого и порочного в человеке, а порок, как известно, цепляет самые низы культурного слоя. Если вообще это можно называть культурой... Повторю: в этом смысле, мне кажется, в мире интеллектуалов и в широких слоях общества действуют совершенно противоположные тенденции. Первое, безусловно, прогрессирует, а общество, как некая свинцовая масса, как Атлантида, медленно идет ко дну.

Лукьянин Валентин Петрович,
кандидат философских наук, ответственный редактор журнала «Вестник» УрО РАН.

В предыдущих выступлениях прозвучала идея о ценности гуманитарного знания, которую мы все осознаем. Но, к сожалению, кроме нас никто толком не осознает эту ценность. Ценность несомненна, ну что с ней делать, если она никому не нужна? Я для себя решаю эту задачу давно следующим образом: покажу на примере — не так давно опубликовал статью, в которой речь шла о том, что, «Пока реформы не лягут на душу, они заведомо будут провалены». И здесь нет никакого открытия, потому что любое дело, которое на душу нам не ложится, оно обязательно будет провалено. В то же время, если дело

нам по душе — мы сделаем это, во что бы то ни стало. Я упомянул слово «душа», и многие подумают, что я где-то там, где молятся и крестятся и замаливают грехи. Я не там, я был, остаюсь атеистом, поскольку, на мой взгляд, это единственная здравая точка зрения. Я сосредоточился на понятии души. Душа должна рассматриваться, на мой взгляд, безотносительно какой-либо религии. Душа — это некоторая внутренняя суть человека. Она очень важна, важна ее роль в любой житейской ситуации. Мы, в редакции журнала «Вестник УрО РАН», редакцию которого я представляю, получили статью Владимира Олеговича Лобовикова, о том, каким образом, можно моделировать мораль и, фактически, душу. Статья вызвала странное отношение в редакции: её никто не понял, включая меня. Я понес ее математикам. Один из математиков прочитал и произнес очень страстную речь, о том, что этого не может быть. Потом он показал эту статью кое-кому из специалистов по математическому моделированию. Через пару дней произнес мне страстную речь о том, что это совершенно замечательно, что это надо публиковать, что это новое слово в науке и т.д. Но я вспомнил об этом случае, потому что это уникальный случай, когда моделируется душа. И я думаю, пока не удалось ее смоделировать. И все дело в том, что это гуманитарное знание не моделируется. А почему оно не моделируется, почему оно не дается? А тут надо понять, что такое гуманитарное знание. Без определения этого знания, каких-либо границ определения этого понятия, мы далеко не пойдем. Но сложности начнутся с первых шагов. Я помню текст доклада Красовского, представленный на Лихачевские чтения. Он назывался примерно так: «Математика как фактор гуманитарного образования», и это очень небанальная мысль, это очень важная мысль и ее надо постоянно держать в памяти. Но как математик организует гуманитарное знание, гуманитарное образование? Это другой вопрос. Затрону самую суть. Вот почему у нас есть какие-то точные знания и есть какие-то принципиально неточные знания — гуманитарные. Простой и элементарный ответ на уровне здравого смысла: знание (дискурсивное, научное, называемое, как угодно) — это, в сущности, маленький по территории пятючок, освещенный нашим разумом в этом огромном мире, в котором мы живем, пятючок в бесконечности незнания.

При этом первым выразительно об этом сказал Николай Кузанский, который примерно так рассуждал: знание более ли менее ограничено, а вот чего мы не знаем — вот это вопрос.

И что же нам делать в этой ситуации с нашим маленьким знанием в огромном непоз-

нанном мире? Приходится жить, что называется, наугад. Учась кататься на велосипеде, не зная законов динамики, кинематики и т.д., набьешь себе шишек, а потом — сел и поехал. Вот так во всей жизни, все наши идеалы, все наши нормы поведения и все такое прочее — это обобщение нашего опыта на базе незнания. Так вот гуманитарные науки существуют затем, чтобы обобщить опыт поведения в условиях незнания. И в этом смысле гуманитарные науки значат ни чуть не меньше, чем науки точные, а может быть и больше. И чем дальше мы живем, тем острее осознаем, что точные науки без гуманитарной подкладки беспомощны и неточны. Это главное, что я хотел сказать, и отсюда следует простой вывод: не надо испытывать комплекс неполноценности от того, что мы гуманитарии, надо, наоборот, ценить, развивать, пропагандировать, но не вопреки точным знаниям и математике. И только на этой основе мы можем понять что-то о самих себе, о человеке, можем ставить социальные задачи и, решая их, можем вообще жить.

Мясникова Л. А.

Позвольте дать слово молодым участникам круглого стола.

Зиновьев Александр Александрович,
аспирант Гуманитарного университета.

Я в корне не согласен с тем, что гуманитарное знание не востребовано современным обществом. Возможно нет должной государственной поддержки, возможно нет системы общественных организаций, опирающихся в своей деятельности на достояние гуманитарного знания, НО: Гуманитарное знание как никогда востребована сетью Интернет !!!

Интернет — новая форма коммуникации и массовой информации — это интерактивное общение «многих со многими», основанное на диалоге и требующее диалога.

Проблемы гуманитарного знания являются поводом для общения миллионов людей. Обсуждения по вопросам культуры, истории, философии, общества, религии, мысли собирают тысячи и тысячи людей на разных площадках.

Гуманитарное знание в сети — это не только контент (текстовые, аудио, видео материалы — книги, хрестоматии, рефераты, статьи), хранящийся в общем доступе, — это прежде всего общение, непрерывная череда самоорганизующихся обсуждений, круглых столов, конференций. Проблема в том, что носители гуманитарного знания не участвуют в этих процессах. Многие достойные умы закрыты для диалога с широкими массами, поэтому их место занимают суррогатные знания и носители этих знаний — астрологи, сторонники заговоров, идеологи, пропагандисты, политики.

Сеть как никогда нуждается в людях, умеющих и готовых нести знание. Для многих людей информации, знаний, мнений, открытых к общению авторитетов вне сети — нет в природе. И если гуманитарное знание и его носители не придут в сеть, не займутся активной популяризацией себя и своего интеллектуального капитала — они останутся в прошлом, вместе с фотопленкой, бумагой, аудиозаписями на магнитной ленте.

Интернету нужны люди, умеющие оперировать информацией, люди, анализирующие и структурирующие не только данные, но и свой личный жизненный опыт, в том числе опыт познания.

Основная проблема сети — избыток контента. Поисковые машины, призванные упорядочивать непрерывный поток данных, не справляются с объемом информации и коммуникации интернета, и на смену им приходит человек.

Теперь люди упорядочивают контент сети на основании своих знаний и опыта, своими выборками (избранными данными) и своим контентом они делятся друг с другом, формируя принципиально иную сеть. Сеть людей. В этой новой сети как никогда нужны люди — носители гуманитарного знания.

Закс Л. А.

Хочу высказать свою позицию по затронутому вопросу. На мой взгляд, то, что Вы называете «востребованностью», может расцениваться как профанация гуманитарного знания. 95% студентов обращаются к Интернету не за информацией, а за готовыми текстами рефератов, которые даже не всегда читают.

Зиновьев А. А.

Если людей, носителей гуманитарного знания, не будет в сети, то и знания в сети не будет. А востребованные, интересующие людей проблемные области гуманитарного знания, его основные вопросы будут освещены и заменены иными формами познания — суррогатами знания.

Если в сети нет философов, то нет философии — есть только мистика и миф.

Если в сети нет культуролога, то нет и теории культуры — только реклама и спам.

Если в сети нет филолога, то нет и четкой структуры языка — только новояз.

Нет историка — есть только вымыслы и домыслы

Нет психолога — есть только знахари и шаманы...

Так можно продолжать до бесконечности. Итог:

Сети нужно гуманитарное знание, так как ей интересна предметная область этого знания.

Сети нужны люди — носители гуманитар-

ного знания, так как без них знания в сети не будет.

Мясникова Л. А.

Раз уж речь зашла о сетях и сетевой культуре, то может быть затронем вопрос о ГСМ!?

Калужникова Екатерина Аркадьевна,
кандидат культурологии, преподаватель Гуманитарного университета.

ГСМ — аббревиатура от словосочетания «гуманитарный склад мышления» (варианты: «гуманитарный синдром мышления», «гуманитарный состав мозга»).

В фокусе нашего внимания статья под названием «ГСМ», размещенная на сайте lurkmore.ru (по версии журнала «PC Magazine Russian Edition», он входит в число 40 лучших сайтов Рунета). Поскольку на Луркоморье собраны наиболее популярные в сети выражения, жаргонизмы (так называемые «мемы»), логично предположить, что данная аббревиатура достаточно распространена среди пользователей Интернета.

Луркоморье характеризуется своеобразным стилем статей, отличающимся общей неформальностью и полущуточным характером, свободным использованием обценной лексики, бесцеремонностью высказываний, резкой критикой недостатков рассматриваемых явлений, «естественнонаучным» идеологическим подходом на грани с предвзятым отношением к гуманитарным специальностям и гуманитарному складу мышления («технофашизмом»). Но в каждой шутке есть доля шутки, поэтому гуманитариям стоит прислушаться к критике.

Аббревиатура «ГСМ» в сетевой культуре (на форумах, в блогах и т.п.) употребляется исключительно в негативном аспекте. Считается, что термин придумал В.С. Луговский, физик, программист, последовательный и убежденный позитивист, который более 10 лет занимался в сети Интернет популяризацией естественнонаучной методологии.

Итак, основные признаки «ГСМ» таковы:

- Чувство превосходства над собеседником, вызванное сознанием собственной исключительности и причастности к высшему гуманитарному знанию.
- Непрофессионализм суждений — человек, обладающий ГСМ считает, что, будучи историком-филологом-философом, обладает Высшим Знанием и способен по этой причине невозбранно судить о чем угодно — от сингулярности и движения материковых плит до проблемы адронного коллайдера и глобального потепления.
- Некомпетентность в точных науках и, как следствие, слепое доверие к тому, что обосновывается вычислениями.

- Некорректность применения естественнонаучных методологий в гуманитарной сфере
 - Некомпетентность в собственной гуманитарной сфере. Человек с ГСМ допускает орфографические ошибки, в рассуждениях не пользуется даже формальной логикой.
 - Ограниченность области интересов сугубо гуманитарной сферой.
 - Графоманство.
 - Непродуктивность и профессиональная несостоятельность.
- Налицо некий «технофашизм», но он не беспочвенен.
- Способ избежать подобных проблем:
- совершенствоваться в своей специальности, и не пытаться давать советы профессионалам в другой области.
 - освоить и не забывать хотя бы основы точных и естественных наук. Что характерно, в этом случае у человека обычно сразу пропадает желание участвовать в физико-лирических спорах.

Коркунова Ольга Владимировна,
доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии УрГУПС.

Хотелось бы поддержать мысль Л.А. Закса о противоречивости, двойственности в оценке состояния гуманитарного знания и роли гуманитария в нашем обществе сегодня. Представляется, что во многом это обусловлено сменой цивилизации и исторической эпохи. Отмечу некоторые тенденции. Во-первых, в информационном обществе все переводится на рельсы технологии. Если раньше в российском обществе гуманитарий был «гласом народа», выразителем его чаяний, то теперь эта роль сильно ослабла. Авторитет Д.С. Лихачев был очень высок. От возвращавшегося в Россию А.И. Солженицина ждали истины о происходящем и перспективах страны. Сегодня мы не видим таких гуманитариев, которые бы определяли умонастроение нации, решения властей. И одна из причин этого, как нам представляется, власть осуществляется по технологиям менеджмента, управления. Во-вторых, технологии активно внедряются в сферу образования, в том числе и высшего. Это процесс неизбежный, но он меняет роль учителя, педагога в образовательном процессе. Эта фигура отодвигается на второй план. Тесты, материал для рефератов, курсовых и т.д. берется из сети. Общение все чаще осуществляется тоже в сети. И у учителя исчезает «ореол» непосредственного влияния на ученика, что раньше составляло важную часть передачи традиции. Видимо

должны появиться какие-то новые формы возмещения этих утрат. В-третьих, гуманитарное знание всегда формировало культуру, ценностный мир человека. Выполнение этой задачи сегодня осложняется тем, что на человека обрушивается поток информации. И он оказывается сегодня человеком более информированным, чем знающим. Информированность создает иллюзию знаний, но мы знаем, что информация и знания не одно и то же. Мне кажется, что в процессе осмысления, перевода информации в знания роль гуманитария сегодня все больше и больше возрастает. Новая цивилизация требует поиска новых форм утверждения в ней гуманитария.

Русакова Ольга Фредовна,

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

Чтобы большинство гуманитариев здесь воспряли в понимания собственной престижности и внушали это своим студентам — хочу озвучить интересный ход методический или даже методологический. Любое знание, это еще Фуко говорил, — это власть. Власти бывают разного сорта: так вот, гуманитарий в отличие от политика, вооружен «Soft Power». Такая мягкая власть, которая посредством вовлечения в развлекательную, «прикольную» коммуникацию, где инструмент Интернет может быть успешно использован, может в конце концов заниматься переформатированием «прикольно-настроенной» аудитории на профессиональный поиск. «Soft Power» проникает через массовые СМИ: Интернет-ресурсы, кинематограф, концерты, шоу, и т.д. В каждом этом «прикольном» тренде гуманитары могут найти свою нишу, посредством которой мягко, но внятно внушать подлинные, так скажем, профессиональные, гуманитарные ценности, символы, знаки и способы коммуникации. Не надо против этого тренда вставать и бороться — это сегодня бесполезно. А использовать это, зная собственную силу и собственные механизмы властвования.

Батюта Екатерина Анатольевна,

кандидат философских наук, помощник ректора по международным связям Гуманитарного университета.

Хотелось бы выступить в защиту «технологизации» гуманитарного знания в современности. Превращение гуманитарного образования в «ноу-хау» — закономерный процесс, свидетельствующий о глубоких изменениях в обществе, это не плохо и не хорошо, это «нормально» для наших дней. В истории человечества всегда были чередующиеся этапы спокойного развития и повышенной изменчивости, и гуманитарное знание соответствовало этим периодам: «гумани-

тарная технология» для организации и упорядочивания стремительно изменяющегося мира и «гуманитарное высокое знание» для относительно стабильного мира.

Зборовский Гарольд Ефимович,

доктор философских наук, профессор, декан социологического факультета Гуманитарного университета.

Я буду говорить о конкретном гуманитарном знании, о социологическом знании, потому что, на самом деле, здесь есть очень интересные моменты, которые появились в последние годы в связи с международной дискуссией, которая имеет место быть в социологической науке и практике. Я имею ввиду ту дискуссию, которую начал несколько лет назад нынешний президент Международной социологической ассоциации Майкл Буравой. Этот очень известный американский социолог с русскими корнями открыл дискуссию в социологии, которая, по его мнению, должна стать публичной. Он поставил проблему следующим образом: если социология хочет быть нужной обществу, хочет быть востребованной, она должна стать публичной наукой. Она должна стать наукой, которая умеет себя популяризировать, умеет себя подавать, умеет себя рекламировать и умеет «добиваться» взаимности. Мы часто жалуемся на то, что социологическая наука сегодня страшно далека от народа, я исключаю акционерные общества, агентства, предлагающие услуги по проведению массовых опросов. Теоретическая социология очень далека от народа, а могла бы быть ближе, если бы умела себя определенным образом показывать. Но от желания социологов не все зависит. Не так просто стать публичным социологом в нашем обществе и в нашем городе, на самом деле это проблема. Но, тем не менее, я хочу сказать, что это — путь, один из тех путей, которые нужно искать для того, чтобы гуманитарное знание становилось востребованным, понятным, чтобы об этой же социологии, о которой я говорю, думали немного по-другому, не так, как сейчас. С одной стороны, мы можем приводить примеры, когда социологи добиваются очень высоких результатов в плане популярности, в плане доступности, в плане влияния на власть. Я всегда имею перед глазами пример выдающегося социолога современности Энтони Гидденса, который на протяжении всего периода премьерства Тони Блэра был его ближайшим помощником. Тони Блэр не принимал ни одного крупного решения без Гидденса, он постоянно с ним советовался — это редкий случай. С другой стороны, в нашей стране эта ситуация особая. На уровне российского решить эти проблемы не представляется возможным, социологи просто не в состоянии

этого сделать, потому что власть глуха на федеральном уровне, а вот на региональном она может себя попробовать (что тоже трудно сделать). Я имею в виду проблему востребованности гуманитарного знания. Как это сделать, какими путями — это самая сложная проблема... Я читал работы Буравого, участвовал в дискуссии и писал тексты на эту тему: как реализовать эту идею — превратить науку в публичную. Вот это, по моему, очень сложный вопрос. Если не только социология, но и другое социально-гуманитарное знание хочет быть востребованным, то ему нужно искать эти пути. А как это сделать в нашем обществе — наверное, это самый трудный вопрос. У меня нет готовых рецептов. Сегодня у нас в стране существует только одна независимая социологическая структура, которая может себе позволить претендовать на получение объективного научного обоснованного знания и не боится этого делать. Это Левада-центр.

Ваторопин Александр Сергеевич,
доктор социологических наук, заместитель
декана социологического факультета Гуманитарного университета.

Я думаю, что не следует стирать различия между естественными науками и гуманитарным знанием. Гуманитарное знание часто опирается на абстрактные категории, является духовным знанием. Поэтому я против того, чтобы оно было, как здесь говорилось, «позитивным» знанием. Если гуманитарное знание можно будет «измерить» математически, то это будет конец гуманитарного знания как такового. Безусловно, необходимо различать понятия «гуманитарное знание» и «гуманитарные науки». Последние должны соответствовать статусу науки, но гуманитарное знание не может быть исключительно научным.

Чернов Леонид Сергеевич,
кандидат философских наук доцент кафедры
философии и политологии УрАГС.

Я задаюсь простыми вопросами: что значит быть гуманитарием? Что значит производить гуманитарный продукт, какого рода деятельность может быть названа и обозначена гуманитарной?

При внешней простоте ответов на эти вопросы неожиданно оказывается, что они (эти ответы) не так просты. Я слишком привык к тому, что занимаюсь гуманитарными науками и большинство моих друзей и знакомых тоже занимаются чем-то гуманитарным. Меня окружают преподаватели философии, мои коллеги; я знаком с музыкантами, писателями, поэтами. Мне посчастливилось знать некоторых признанных и известных художников.

И все же могу ли я автоматически, по при-

знаку профессиональной принадлежности отнести всех этих людей к гуманитариям? К большому сожалению оказывается, что работая в гуманитарной «сфере», «области» гуманитарий достигает каких-то высот и успехов как раз не в силу своих гуманитарных способностей, а вопреки им. При равном количестве таланта и способностей «исходный продукт», предмет, который получает гуманитарий на выходе, появляется у того, кто «смог найти спонсора», кто «вписался в социальную структуру», кто «засветился», кого «пропиарили» и так до бесконечности. Увы, гуманитарный продукт рискует легко потеряться в дебрях и джунглях социальной стратификации. Недостаточно читать книги, преподавать философию, рассуждать о религии и кино и на этом основании быть гуманитарием. Когда я читаю лекции студентам, я не чувствую себя гуманитарием, так как нынешнее гуманитарное преподавание похоже на заводской конвейер и от гуманитария в этом случае остается одна лишь оболочка. Но тогда что? Какое качество оставляет нас гуманитариями в современном около-гуманитарном пространстве? Какой продукт позволит выдать «алиби» гуманитарию и назвать гуманитария таковым?

Из предполагаемого множества вариантов ответов назову один, а именно — личность. Конвейер личности противостоит, а гуманитарий противостоит конвейеру. Личность гуманитария говорит, она производит словесный продукт. И за этот продукт она готова ответить по большому «гамбургскому счету». Можно прочесть несколько лекций, но при этом не сказать ни одного живого, человеческого слова. Если живые слова собрались в предложение и книгу, тогда гуманитарным продуктом явится книга. Если в рифму и ритм — тогда стихи. Если живые слова остались в памяти аудитории, тогда гуманитарным продуктом становится живая речь.

Личность может заниматься в профессиональном отношении чем угодно. Она может быть и учителем, и физиком, и спортсменом, и музыкантом. Вид и форма ее деятельности могут быть обоснованы и аргументированы. Подлинность существования должна найти язык и речь для самовыражения и самозащиты. Но для этого требуются некоторые усилия. Не конвейерные, не внешние, а живые и четкие.

А теперь представим, если такого рода личность начинает заниматься каким — либо серьезным вопросом, например: что есть человек вообще, какова природа внутреннего. В глубине решений внешних вопросов и проблем у этой личности будут твердые основания и фундаменты. Мир начнет приобретать ясные и четкие очертания. Реальность начнет проявляться

и высвечиваться из хаоса иллюзий. Пока же недостает важнейшего — живых слов, делающих гуманитария личностью. Эти слова потеряны, забыты в лучшем случае. В худшем — никогда не были произнесены по разного рода причинам.

Ирина Константиновна Кошечева
кандидат социологических наук, проректор по учебной работе Гуманитарного университета

Уважаемый Леонид Сергеевич, не могу с Вами согласиться, что в процессе преподавания нельзя оставаться гуманитарием. Неужели в студентах не прорастают Ваши мысли? Думаю, что преподаватель-гуманитарий формирует в студенте личность.

Мясникова Л. А.

Гуманитарное знание традиционно напрямую связывали с его основной функцией — с формированием человека, человеческой личности. Гуманитарное знание нередко выступало синонимом университетского образования (независимо от того, какой диплом — математика или филолога получал выпускник). Как университет, так и гуманитарное знание формировали мировоззрение, культуру, вкус, а также добросовестность, ответственность, бескорыстное служение истине, а не корысти, успеху и богатству. Автономия как ключевой принцип науки и университета не противоречила тому, что гуманитарий-профессор занимал центральное место в обществе в качестве создателя, хранителя, носителя ключевых ценностей, которые и превращали человека в личность. Система образования трансформировала эти ценности. Бескорыстное стремление к истине спокойно сосуществовало с тем, что университетский диплом, само занятие гуманитарным знанием были достаточной гарантией успеха и благосостояния.

В наше время неустойчивой «текущей современности» (З. Бауман) все изменилось.

Университетским профессорам и гуманитариям трудно претендовать на духовное лидерство. Средства массовой информации, Интернет продвигают идеи быстрее и успешней, чем университетская или гуманитарная элита. Гуманитарии вынуждены состязаться за духовное лидерство со спортсменами, звездами эстрады, шоуменами от политики, да и с маньяками, террористами и т.п., ибо профессора и гуманитарии гораздо реже попадают в новости, репортажи, шоу — в мир СМИ. «Раскрученность» — синоним «растиражированности», которая осуществляется не через серьезный анализ, а через зрелищность (где и скандал, и сплетня хороши). То, о чем не говорят, словно бы не существует.

Автономия университетов и науки уступает место навязыванию единых стандартов об-

разования, что связано с глобализацией мира, с ориентацией на практическое применение научной деятельности обществом. Система образования ориентирована на потребителя образовательных услуг.

Чем же становится гуманитарное знание в современной реальности? Есть несколько вариантов ответа.

- 1) Знанием, носителями которого является узкий слой «высоколобых» профессионалов, ученого сообщества, язык и идеи которого не понятны, не нужны, не востребованы и даже не известны никому кроме этого узкого слоя.
- 2) Знания переводятся в популярную, легкоусваиваемую форму (часто игровую, визуальную). Доступная форма тем самым девальвирует знание.
- 3) Гуманитарии создают продукты для продажи на рынке (например, проекты, ориентированные на быстрое, часто сиюминутное использование, после чего они становятся не нужными и забываются).

То есть гуманитарий находится в сложной ситуации — между Сциллой узкопрофессиональной замкнутости и Харибдой популяризации, девальвации и формирования синдрома «ГСМ», о котором уже шла речь.

Семинар SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS и Альманах «Русский мир и Латвия» пытается пройти между этими крайностями, спасая гуманитариев в Латвии.

Закс Л. А.

В годы моей философской юности было такое понятие — «воинствующий материализм», меня немножко смущает эта интонация «воинствующего гуманитария». Даже если вы на сто процентов уверены в своей правоте, вдруг вы немножко ошибаетесь, вдруг не только те, кто подходит под определенные критерии, которые вы сформулировали, они тоже, может быть, гуманитарии, тем более, что тот критерий, который вы сформулировали, наверное со мной согласитесь, — социологический критерий, а не чисто гуманитарный. Если это дополнить вашей реакцией по поводу русского народа в Латвии, то складывается, на мой взгляд, все достаточно системно. Вообще, говоря, гуманитар — он с любым народом дело то имеет. Абсолютно банальную вещь скажу: для меня с чего начинается гуманитарность, не для меня...а так меня учат те классики, которых я признаю основоположниками взгляда на гуманитаристику, то есть это для меня три таких последовательных личностно-надличностных явления — неокантианство, философы жизни — понимающая школа и Бах-

тин. И в этом смысле я бы сказал так: любая социальная наука, любая наука о массах, о скоплениях — она гуманитарна в той мере, в какой она предполагает присутствие в каждой точке этого объекта пространства, с которым мы работаем, как бы интерпарированность в каждую точку этого пространства чего-то, что, на мой взгляд, нередуцируемо, неуничтожаемо, фундаментально-онтологично и т.д., то, что можно назвать субъективностью, субъективным для себя бытием человека, с присущими ей индивидуальностью, свободой, внутренней органической социальностью, то что вы называете этикой. Сегодня эта презумпция этой субъективности — это уже не миф, не гипотеза: для меня, например, это есть позитивное знание, точно так же как признание свободы в каждой точке этого пространства именно потому, что она конституирована человеческим началом. Поэтому когда я смотрю на то, как берут некоторые наши знания представители управленческой системы общества, власть, то я иногда говорю про них — это же советская власть в новом издании.

Но на самом деле все гораздо сложнее — это постмодернистская, глубоко постмодернистская власть. Она на самом деле работает со многими концептами, категориями современной гуманитаристики, но гуманитаристики в ее самом редуцированном, постмодернистском, постструктуралистском виде. Что я имею в виду: есть З. Бауман, у которого индивидуализированное общество, и есть Ж. Бодрийяр, который начинает работать с абстракцией массы, у него получается страшная смертельная сила, в которой гибнет вообще все.

Он прав отчасти, это имеет место, он абстрагируется, как и Бурдье иногда, но не всегда, замечу, абстрагируется от этой субъективности. Наша власть, ей это очень подходит сегодня методологически, она как раз берет концепт общества не как индивидуализированного пространства, где субъективность в каждой точке и с этим надо онтологически, управленчески, практически считаться, а гораздо удобнее работать с категорией массы, которая все уничтожает заранее... Отсюда очень хорошее следствие — неготовности, недоразвитости и многого другого. Мне кажется, что гуманитар вынужден и обязан иметь дело со своим народом, но для нас это не снимает ничего... Это и есть то самое, от чего мы танцуем и к чему мы приближаемся все время. В противном случае мы очень быстро окажемся на одной доске с этой манипулятивной или негативистской концепцией, при которой мир все равно разделится на нас лучших и достойных, и на остальных, которые, ну действительно, не достойны. Гуманитар в этом смысле вот такой вот.

Романов Алексей Николаевич,
докторант философии, член редколлегии Альманаха «Русский мир и Латвия».

С вашего позволения, цитата... Вот как Мамардашвили определял сущность «гуманитарного» отношения к науке на примере Эйнштейна (*читает*): «Эйнштейн, отвечая однажды на анкету, говорил, что в науке работают люди по меньшей мере трех категорий. Первая — это те, кто наделен исключительными интеллектуальными способностями, — они занимаются наукой с таким же увлечением и пафосом, как спортсмены. Наука для них — особого рода увлекательная интеллектуальная игра (решение задач), приносящая успех, который измеряется так же, как в спорте. Что же, очень хорошая категория работников, говорил Эйнштейн. Есть вторая категория ученых, тоже интеллектуально одаренных, которые занимаются наукой, как можно заниматься любым другим делом, доставляющим средства к существованию. Их интересует прежде всего наука как способ материального обеспечения. Такие тоже не могут быть изгнаны из храма науки, они в нем необходимы и составляют большинство. Но есть третья категория ученых, для которых наука является как бы выходом из «тяготины» обыденной, повседневной жизни, с ее бессмысленной повторяемостью и пустотой стремлений... Если человека охватило ощущение, что все это бессмысленно, и он ищет чего-то другого — это и есть представитель третьей категории ученых, также необходимых науке».

Метафора Мераба Константиновича понятна: речь идет о философии, даже если ты плохой философ, каковым был Эйнштейн. Однако в Эйнштейне есть то, чего нет в двух других категориях ученых. А все, что сегодня высказывалось о гуманитариях, именно к этим двум категориям и относится.

Прежде чем говорить, что гуманитарий должен и чего не должен, не худо бы выяснить, что такое этот самый гуманитарий есть. Ведь чем-то он отличается от не гуманитария? Почему же об этом никто не спрашивает? Или тут всем все ясно? Мне кажется, ответ на этот вопрос и будет проверкой, насколько отвечающий сам гуманитарий, ибо только гуманитарий и видит это различие, пусть и плохо, но видит, и в себе самом прежде всего.

Человек другого склада просто не будет задаваться такими вопросами, без ответа на которые настоящая гуманитарная наука вообще невозможна. Что это за вопросы? Никак не «почему гуманитария обижают, не дают ему власть и деньги, почему его не слушают», а только об этом сегодня пока что и говорилось. Смею пред-

положить, что гуманитарий таких вопросов не задаст никогда. Или «гуманитарий должен что-то предложить, оправдывая свое существование, чтобы его заметили и оценили, у кого власть и деньги», по выражению Льва Абрамовича, эти «реальные субъекты сегодняшней социальной жизни»? Есть, стало быть, и «менее реальные»... Это кто же и чем такую «реальность» измеряет? Гуманитарии?

Все это не имеет отношения к делу. А вот что к делу имеет отношение, так это именно способ мышления гуманитария и его, этого мышления, социальная... что? значимость? востребованность? — природа. Почему тут должен стоять именно вопрос о социальной природе мышления и без такого вопроса никакая методология прежде всего гуманитарного знания невозможна? А тут надо спросить, что такое «социальность» и как надо о ней думать. Мы же сегодня слушали жалобу классика отечественной социологии и вполне могли убедиться, что социологу в России не дают управлять, а вот в Англии дают, и все потому, что мы тут не умеем себя подавать и рекламировать. Вот такое неумение и есть проблема гуманитария. Что тут скажешь? Очень понятна и симпатия Льва Абрамовича к позитивизму — все, глядишь, на дело будет похоже, тогда может нас оценят и мы будем, как в здоровом обществе. Ну, общество виновато, потому что не здоровое... Однако было бы интересно узнать, как такое пристрастие Льва Абрамовича к позитивизму уживается с его же признанием этики как ни во что и никогда нередуцируемой «внутренней органической социальности» и что такое эта самая «органическая социальность» или «нередуцируемая субъективность» представляет? Боюсь, что ни неокантианцы, ни философы жизни ни тем более Бахтин в этом вопросе не помощники, и здесь требуется куда более основательный историко-философский экскурс. Но я «гуманитарно» рад, что профессор сам себе противоречит в таком важном вопросе, и от этого вдвойне жаль, что мы не можем выслушать апологию этих классиков гуманитарной науки в его изложении.

Симпатичен и тезис Леонида Сергеевича о личности как субъекте гуманитарной деятельности, однако вопрос тот же — а было ли исследование этого вопроса и на каком материале? Мы же все здесь специалисты-философы, а беседуем почему-то на уровне какой-то популярной журналистики. Неужели это может быть интересно? Все эти, простите, пошлости о нашем времени как о «неустойчивой текучей современности», из-за которой гуманитарий теряет «духовное лидерство»... Гераклит на это не жаловался.

Однако вернемся к исходному тезису о

предположительном отличии гуманитария от не гуманитария, к Мамардашвили с Энштейном. Если «фундаментальной и неустранимой задачей гуманитарного, так же как и любого другого научного познания, является объяснение происходящего», как мы слышали от Льва Абрамовича, то никакого такого отличия нет. Не будем касаться этого весьма неосторожного тезиса об «объяснительной природе» науки, к тому же тотчас последовало признание, что для объяснения социокультурных процессов мы не владем методологией, этим процессам соразмерной, чтобы дать «осмысленный образ того, что происходит». Оставим и «осмысленный образ» — все равно получается, что «объяснение» и «осмысленный образ» зависят от методологии, а вот от чего зависит методология? Это уже вопрос о природе мышления, то есть вопрос философский, историко-философский. Не отсюда ли надо вести речь о гуманитарии, о таком его отношении к своему предмету, которое позволяет, по словам Мераба, выйти «из жизненной бессмыслицы»? Связь методологии и природы мышления с одной стороны и природы мышления и социальной природы с другой — один из вопросов самого основания гуманитарной (чтобы не сказать — философской) науки, как нам это представляется. Мы и составили такого рода весьма скромные тезисы и выслали их Людмиле Анатольевне специально перед нашим приездом, но если кто с ними незнаком, в том нашей вины нет. Не видели мы тезисов и других сегодняшних выступлений, а жаль, ибо без предварительной подготовки беседа на такую тему по существу получится не может.

Мясникова Л. А.

Уважаемый Алексей Николаевич, а влияет ли Вы (ваш альманах, семинар) на общество?

Романов А. Н.

Другими словами, как проявляется наша, гуманитариев, «социальная природа мышления»? Если принять прозвучавший только что тезис, что гуманитарии вынуждены состязаться за какое-то там духовное лидерство со спортсменами, звездами эстрады и политиками, то это уже не гуманитарий, а клоун, и никакой серьезной гуманитарной работы от такого соревнователя ждать нельзя. О правилах же «гуманитарного влияния» первый, насколько мне известно, говорил Платон, прежде всего в *Государстве*. Есть об этом очень важный фрагмент и в VII-м письме. Полностью этой проблематике посвящены диалоги *Политик* и *Законы*, во многом *Федр*. Вот с чем, для примера, надо работать. И если вы с чем-то подобным всерьез не имеете дела и при этом остаетесь публичным человеком, то вы просто шут. Ведь семинариум — это

академическое и образовательное сообщество, с нами вместе можно учиться всерьез думать, вот наше влияние. Впрочем, об этом подробно может рассказать Сергей Мазур, поскольку на нем сама организация наших семинаров и подготовка Альманаха — для публичности серьезных гуманитариев.

Мясникова Л. А.

Позвольте вновь предоставить слово нашим гостям. Сергей Мазур — ответственный редактор Альманаха «Русский мир и Латвия». В чем Вы видите практическую значимость деятельности вашего Общества SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS?

Мазур С. А.

Если посмотреть структуру сайта, мы увидим, что он делится на четыре части четыре основных блока. Одна страница информационная. На ней можно увидеть анонс предстоящих мероприятий, в том числе то, что сегодня происходит в Екатеринбурге. Правая колонка — опубликованы альманахи в электронном виде, то есть альманахи представлены как в печатном, так и в электронном виде. В разделе «О проекте» мы публикуем отчет о семинарах, это аудио и видео отчеты, фотогалереи о всей нашей деятельности.

Например, был семинар, посвященный вопросам Второй мировой войны. То есть если переходить от публикации к практическому применению, буквально в начале 2000-х годов представить публичное обсуждение темы Второй Мировой войны в Латвии было невозможно, потому что это тот вопрос, который делил людей на баррикады: одни на одной стороне баррикады, другие на другой стороне. А мы в Балтийской Международной Академии пригласили на семинар людей с разными позициями. И у нас состоялся диалог. Я вижу в этом серьезное практическое достижение нашего гуманитарного семинара. Это признают в том числе и политики, и журналисты. Если нужно обсудить важный вопрос в обществе, обращаются к гуманитарному семинару, потому что есть такие вопросы, которые вообще выведены за пределы обсуждения. Обычно как они «обсуждаются»? — Берут дубины друг друга убивать. А мы пытаемся найти тот ракурс, тот разрез, в котором этот вопрос может быть обсужден. Одна из заслуг и достижений нашего семинара в том, что на заре нашей деятельности мы решили обсудить очень болезненные вопросы, например, как произошло последнее «пробуждение» или Атмода, что привело латышский народ к возникновению Второй Латвийской Республики? Даже при подготовке этого мероприятия приходилось вкладывать огромные усилия, чтобы люди не передрались. Премьер-министр нашей страны Ивар Годманис

только в последний момент принял решение участвовать в нашем семинаре: а прилично или неприлично будет участвовать на этой площадке, как будут говорить русские с представителем латышской части нашего общества? Это одно из практических достижений гуманитарного семинара: то, что гуманитарным образом организованная дискуссия позволяет обсуждать те вопросы, которые в обществе обсуждать абсолютно невозможно. Я думаю, это серьезное практическое достижение

...По поводу пользы гуманитариев. Такой подход, на мой взгляд, позволяет проводить в обществе дискуссии на разные темы. Вы понимаете, на эти темы дискуссии вести на радио, телевидении, на улице невозможно. Но именно с дискуссии, придерживающейся гуманитарных принципов, начинается путь к осознанию и изменению, к тому, что любят практически ориентированные люди. С дискуссии, с возможности того, что можно обсуждать очень острые, неприятные вопросы, начинается путь к этому изменению. Важен сам опыт, который происходит, мы пытаемся быть гуманитариями благодаря и такому подходу.

Теперь по поводу значимости. С чего начинался Альманах? Первоначально идея издания Альманаха была моей. С чего можно начать издание? Все стоит очень дорого. Попробуйте издать какую-то книгу, какой-то журнал, начать дело. Во-первых, у окружающих возникает полное недоверие к новому делу. Какой-то школьный учитель, который ничего из себя не представляет, решил издавать интеллектуальный журнал. Подозрительно, правда? Поэтому вначале никто не хотел давать деньги на издание гуманитарного журнала. Но к этому времени, к 2004 году, когда мы начали издавать Альманах, прошло 5 лет работы гуманитарного семинара в Риге. И было принято решение — пора начать издавать журнал.

Актуальность практическая была колоссальная. Потому что это социокультурное пространство никем серьезным образом не обслуживалось. С этой стороны культивирования русской культуры, русского языка еще и в помине не было в общественном пространстве. Ведь целые пласты культуры исчезали. С чего начался альманах? Не с того, что я искал спонсоров, а с того, что я подошел к одному из наших докторов филологии, Юрию Львовичу Сидякову, и начал спрашивать, как обстоят у него дела с публикациями. А он занимается вопросом очень значимым, выходящим за пределы маленькой Латвии — в Россию, Европу, Америку и связанным с судьбой архиепископа Иоанна (Поммера). Он вел переписку чуть ли не со всем миром, в боль-

шей степени это была церковная переписка, но ее значение как источника, как документа того времени неопределимо. Дело в том, что Латвийская православная церковь к этой теме относится «спустя рукава», поэтому Сидяков стал публиковать это бесценное наследие в нашем Альманахе.

Вот еще один пример практической значимости Гуманитарного семинара в Риге: 6 ноября в Юрмале состоялся семинар, посвященный памяти фольклориста Бориса Федоровича Инфантьева. Мы пригласили руководителя студии аутентичного фольклора «Ильинская пятница» Сергея Оленкина. Теперь наш семинариум будет выдвигать Оленкина на латвийскую премию «Признание», что, надеюсь, позволит изменить ситуацию с этим коллективом, который, несмотря на его единственность и уникальность, забыли. В деятельности Сергея Оленкина по сбору аутентичного фольклора отражены истоки культуры и русских, и латгальцев, и латышей, и белорусов. И в этом случае наше общество открывает новые возможности для развития гуманитарной культуры в Латвии.

Был у нас выдающийся фольклорист, два года ушел от нас, наш латвийский Лихачев, Борис Федорович Инфантьев. Я его биограф. Его основная проблема при жизни заключалась в том, что его почти никто не публиковал. А это целый пласт русской культуры в Латвии, думаю, небезынтересный всем тем, кто задумывается о судьбах деятелей русской культуры и в России. Наше издание из номера в номер публикует статьи Б.Ф. Инфантьева, которые являются источником для понимания локальной культуры.

Практическая значимость нашего участия на Круглом столе в Екатеринбурге мне тоже понятна. Без связей с гуманитариями в России нет будущего у русской гуманитарной культуры в Латвии.

Оливер Йоксимович,
магистрант университета «Париж-Х» (Франция), преподаватель-стажер юридического факультета Гуманитарного университета

Вы проводите семинары только в Латвии или в других регионах и странах также?

Мазур С.А.

Мы прежде всего организуем Гуманитарные семинары в Риге. Рига — столица и центр культурной жизни Латвии. Квалифицированно подготовить тематический семинар, вот что занимает почти все наше время. Хотя семинары мы проводим и в Юрмале, Даугавпилсе, в Таллинне (Эстония) был один выездной семинар...

Вопрос:

Только из Латвии у вас докладчики?

Мазур С.А.

Культурные контакты к 2010 г. у общества

достаточно широки. В Риге успели побывать с выступлениями москвичи (РГГУ, МГУ и др.), европейцы (Швейцария, Франция, Германия), эстонцы...

Только что был историк из Норвегии, он занимается историей православной церкви в Эстонии и Латвии в 20—30-е годы. Приехал специально к нам, чтобы получить Альманахи, потому что мы опубликовали фрагмент из книги главного специалиста по истории православной церкви в 20—30-е годы Латвии профессора А. Гаврилина. Книга вышла в России тиражом 1000 экземпляров. В Латвии ее издать невозможно, мы фрагмент отпечатали в Альманахе и в электронном виде. То есть книга стала жить более широкой жизнью.

Насчет проведения семинаров... У нас только с прошлого года начались попытки выехать за пределы Латвии. С чем это связано? Это тоже один из аспектов гуманитарной деятельности. Существует образ русской культуры Латвии, что отражается в монографиях и в книгах, которые издаются в России. Книги, публикации о русских в Латвии часто делают не профессионально, а преимущественно на газетном материале. Поэтому у нас родилась идея выезжать за пределы Латвии. На то у нас есть основания, так как SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS ведет серьезную научную деятельность по изучению русской культуры. Презентация культуры латвийского сообщества — часть гуманитарной деятельности нашего общества. Первую попытку мы осуществили в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в Москве.

Самый трудный аспект — это найти коллег среди гуманитариев, договориться с ними. Кроме того, у нас есть много вопросов — методических, педагогических вопросов к гуманитарному сообществу в России. Мы нуждаемся в экспертах, которые могли бы нам помочь, чтобы быть нашими соучастниками, собеседниками в наших вопросах. Поэтому в последнее время мы пытаемся выезжать за пределы Латвии. Приезд в Екатеринбург — это и есть одна из таких попыток.

Хочу выразить слова благодарности Людмиле Анатольевне. Несмотря на то, что нас разделяет расстояние, у нас есть общие гуманитарные темы для обсуждения, которые можно обсуждать на нашем, латвийском материале. В некоторых аспектах то, что происходит в Латвии и с культурой, и с политикой, является в чем-то типичным случаем. Рано или поздно темы, которые волнуют и нас, придут к вам, в Екатеринбург. Мы с Леонидом Сергеевичем Черновым эти вопросы обсуждали. Поэтому мы стремимся к профессиональному общению с вами в стенах

Екатеринбургского Гуманитарного университета. Если нас будут приглашать, мы с удовольствием будем приезжать.

Евгения Вотинова,
студентка 4 курса факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета.

Какова посещаемость Вашего сайта, насколько он популярен?

Мазур С.А.

Если вы посмотрите на главную страницу, там найдете счетчик. На счетчике показана посещаемость на сайте. Я сам этим вопросом не интересуюсь, но первым делом попросил поставить счетчик. Меня не связывает посещаемость с бонусами, которые я как организатор семинара и сайта получаю от этой деятельности, мне все равно — сколько посещает, столько и посещает. У меня есть другие показатели. Вы можете выйти на баннер «Русский мир». Это была одна из идей, в которых я участвовал, я был одним из инициаторов идеи создания сайта общественных организаций Латвии. В Латвии существуют разные общественные организации, связанные с русской темой. Практически у всех есть свои сайты. В чем значимость сайта? Как только появляется новость на этом сайте, все об этом знают. У меня 250 респондентов, которые получают рассылки. Но стоит только сделать рассылку о каком-то событии, вся общественность знает — там-то и там-то произойдет то-то. Это обстоятельство особенно важно, так как русская пресса очень редко вспоминает об общественных организациях и их деятельности. Это одно из практических применений работы сайтов.

Мы делаем 300 экземпляров Альманаха. По нынешним временам это очень мало. Поскольку мы бесплатно раздаем журналы, мы пошли на такую вещь — договорились с под-

писным агентством в Риге, которое занимается продажей журналов. Почему мы пошли на это? Ко мне стали приходить письма из Германии: например, вышлите нам такие-то номера Альманахов. Я должен идти на почту, заниматься высылкой, потом переводом денег. Я договорился с подписным агентством и просто им дарю 20 экземпляров, а они уже и продают Альманахи. И вот когда я ехал сюда, у меня был разговор с представителями Попечительского совета Гуманитарного семинара. Они мне сказали следующее: ты едешь в Екатеринбург, узнай, пожалуйста, какое количество Альманахов нужно российскому городу? Если хоть какой-то интерес будет у Екатеринбурга, организуем доставку Альманахов даже в ваш так сильно отдаленный от Риги город. Лишь бы был интерес к сотрудничеству.

Мясникова Л. А.

Я всех благодарю за участие, а наших гостей за то, что приехали к нам. Для нас это замечательный повод пообщаться, хотя, конечно, здесь представлено далеко не все гуманитарное сообщество нашего города. На конкретном примере вашего Общества SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS и альманаха можно понять, что такое гуманитарий и его практическая роль в тех сложнейших условиях общества, в которых обитаете Вы в Латвии, да и мы в России. Я чувствую, что у Гуманитарного университета, который является первым негосударственным вузом Российской Федерации, много общего с вашим Обществом SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS: и нам, и вам государство не дает ни копейки, тем не менее, мы пытаемся осуществлять именно гуманитарную деятельность, развивать гуманитарное знание. Я рада, что вы приехали к нам. Надеюсь, что сегодняшнее общение было интересным для всех. Надеюсь на его продолжение. Огромное спасибо всем за участие.